

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

СЕМЕЙНЫЙ БЮДЖЕТ СЕЛЬСКИХ УЗБЕКОВ

© 2000

С.Н. АБАШИН

Окончание эпохи единомыслия и господства официальных лозунгов поставило перед общественными науками задачу переосмысления накопленных знаний и поиска новых подходов для понимания современной истории. Перед учеными открылся огромный пласт вопросов и проблем, которые ранее считались табуированными. Кроме того, появились новые возможности для исследования современного общества. Одну из таких возможностей предоставляет изучение семейных бюджетов – тема, которая еще недавно была фактически под негласным запретом. В предлагаемой статье рассматривается семейный бюджет сельских узбеков. Проблемы, которые возникают при постановке данной темы, выходят далеко за рамки бюджета как такового. Вопрос о бюджете семьи – это на самом деле вопрос о социальном и экономическом строе среднеазиатского общества. Совершился ли за последнее столетие в этом обществе переход к новой стадии социально-экономического развития, или оно все еще остается на подходах к ней? Это также вопрос о богатстве и нищете. Как оценить уровень жизни людей в Средней Азии? Какие критерии должны быть в основе отнесения к зажиточным, середняцким или бедным категориям населения? Наконец, это вопрос о логике экономического поведения в современном среднеазиатском обществе. Является ли эта логика рациональной, т.е. может быть она нам понятна, и если да, то в чем заключается эта рациональность? Попытки ответить на все эти вопросы представлены в статье.

История изучения семейного бюджета в Средней Азии насчитывает около ста лет. Первые попытки осмыслить экономический быт местных народов были предприняты еще в конце XIX в. Об этом писали А.Д. Гребенкин¹, В.П. Наливкин², Г.А. Арандаренко³ и др. Это были военные и чиновники, а не ученые, поэтому они рассуждали больше о нравах народа, чем об экономике как таковой. Правда, уже в их трудах можно найти первые опыты статистического описания бюджетов, посредством которых авторы доказывали способность крестьян выжить с помощью своего хозяйства.

В начале XX в. инициатива изучения среднеазиатской экономики переходит к профессионалам – агрономам, статистикам. Это означало появление научной методики сбора данных при помощи подробного исследования конкретных бюджетов. Тогда же появляются первые попытки осмыслить местное хозяйство в научных понятиях.

В 1906 г. был проведен сбор бюджетной информации в Чимкентском уезде Сыр-Дарьинской области, на основе чего была написана работа "Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения"⁴. Главный автор – агроном В.И. Юферев отметил, что "туземное" хозяйство "нерационально" использует земельные богатства, что проявляется в таких элементах хозяйственной практики, как "...крайне примитивный рабочий инвентарь, исключаяющий сколько-нибудь правильную обработку пахотных угодий, ежегодная распашка полей без отдыха и внесения удобрений, отсутствие, в виду однообразного подбора культивируемых растений, правильного чередо-

вания их, засоренность семян"⁵. В.И. Юферев противопоставил "нерациональному" хозяйству "туземцев" гораздо более "рациональное" хозяйство русских переселенцев, которые используют более передовые технологии земледелия. В.И. Юферев объяснил "нерациональность" хозяйства "туземцев" наличием большого фонда свободных земель, при этом подчеркивая, что в малоземельных хозяйствах доходность (т.е. "рациональность") производства гораздо выше, чем в многоземельных, а переход к более "рациональному" хозяйству у "туземцев" может быть связан с ростом населения и распространением малоземелья.

Постепенно у ученых, изучавших среднеазиатскую экономику, складывалось убеждение, что отсутствие передовых технологий еще не является показателем ее "нерациональности". В книге "Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области", написанной на основе исследований, проведенных в 1912–1913 гг., отмечается вполне "стройная органичность, которую проникнула вся внутренняя организация туземного общества"⁶. Авторы писали: "Вообще все величины по отдельным экономическим группам ложатся в безукоризненно стройные ряды. Это говорит (...) о том, что (...) местный социальный быт вылился в определившиеся устойчивые формы"⁷; и далее: "Технически хозяйство организовано примитивно, но по тщательности возделывания растений, по степени утилизации полевых площадей оно едва ли уступит наиболее рационально поставленным экономиям Западной Европы"⁸.

В 1920-е гг. интерес к среднеазиатской экономике еще более возрос. При этом одним из основных методов ее изучения оставался сбор бюджетных данных. Именно при помощи этой методике в 1923 г. было проведено исследование в ряде областей и затем написана работа "Типы хозяйства Туркестана (очерки морфологии сельского хозяйства Средней Азии)"⁹. В этом труде экономисты окончательно отказались от противопоставления "рациональный – нерациональный" применительно к семейному хозяйству коренных народов. Руководитель работы "Типы хозяйства Туркестана" Н.Н. Кажанов так формулировал идею типологии хозяйства: "То, что обычному европейскому мышлению представляется как давно отжившая, архаичная форма хозяйства, и то, что представляется ему как только возможное будущее, к чему предположительно идет в историческом развитии земледелие, – на территории Туркестана сожительство одновременно, бок о бок; здесь как бы смыкаются два крайних полюса сельскохозяйственной культуры; и чтобы понять их в целом, необходимо мысленно восстановить цепь переходных форм культуры от зачатков последней до другого крайнего звена цепи"¹⁰.

Идеи книги "Типы хозяйств Туркестана" продолжил и упорядочил Н.К. Ярошевич в работе "Организация крестьянского хозяйства Средней Азии"¹¹. В рассуждениях Н.К. Ярошевича можно увидеть скептическое отношение к классовому подходу при анализе семейной экономики. Так, подчеркнув, что в большинстве посевных групп прибегают к найму и отпуску в наем рабочей силы, он сделал вывод: "Это обстоятельство показывает, что наем рабочей силы в дехканских хлопковых районах производится трудовыми хозяйствами не с эксплуататорскими целями, а в силу своеобразной организации монокультурного хлопкового хозяйства, требующего особенно сильной напряженности труда в определенные месяцы"¹².

Примерно в это же время среди части российских экономистов, изучавших крестьянскую экономику, популярной становится теория А.В. Чаянова, который пытался увидеть в "нерациональных" особенностях крестьянской экономики собственную "крестьянскую рациональность"¹³. Его концепция "трудового семейного хозяйства" была основана на таких предпосылках: "Поскольку сама выгодность или невыгодность того или иного хозяйственного начинания в крестьянском хозяйстве решается не путем арифметического исчисления доходов и затрат, а чаще всего интуитивным ощущением хозяйственной приемлемости или неприемлемости этого

начинания, постольку и построение организационного плана крестьянского хозяйства в настоящее время осуществляется не путем системы связанных логических построений и расчетов, а устанавливается по силе преемственности, подражания, опыта и многолетнего, часто подсознательного, отбора удачных методов хозяйственной работы¹⁴.

Теория А.В. Чайнова оказала несомненное влияние на авторов работы "Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области", написанной в начале 1920-х гг. по итогам проведенного в 1915 г. исследования в Ферганской области¹⁵. Основной автор текста этой работы – И. Кузьмин писал так: "В экономике сартовского хозяйства (...) все время происходит два процесса – развития и распада, или упадка, хозяйства (...). Из краткого описания истории каждого хозяйства устанавливается следующая общая картина хозяйственного развития: хозяйство с сильным трудовым ядром, но без средств производства, т.е. без земли и инвентаря, обычно начинает с малого – отдельные члены семьи – работники мардиксуют, затем снимают землю в аренду, далее покупают землю, танап за танапом (...). Когда размеры землевладения перевалят за трудовую норму и когда свои члены семьи не в состоянии обработать своей земли, последняя сдается чайрикерам. Такую эволюцию проходят хозяйства по пути их расширения¹⁶, после чего они распадаются. Из этого следует, что дифференциация хозяйств по мощности и организации является результатом не столько классового расслоения, сколько различий в размерах и составе семей, которые находятся в зависимости от той фазы демографического развития, в которой пребывает каждая конкретная семья¹⁷.

В середине 1920-х гг. против теории А.В. Чайнова и вообще против "неклассового" изучения "крестьянского хозяйства" резко выступил экономист и партийный функционер Л. Крицман. Он утверждал, что "Группировка крестьянских хозяйств, по какому бы признаку она ни производилась, почти всегда явно или скрыто стремится выявить классы или классовые слои в крестьянстве"¹⁸, а "прямыми" признаками являются наем и продажа рабочей силы, а также сдача в наем средств производства. Поскольку любое крестьянское хозяйство может одновременно и продавать рабочую силу или средства производства, и нанимать их, то отсюда следует закономерный вывод: "Для построения классовой группировки на основании прямых классовых признаков требуется прежде всего установление того, в какой мере крестьянское хозяйство ведется самостоятельно"¹⁹, т.е. надо выяснить степень "пролетаризации" или "капитализации" каждого отдельного хозяйства. Такой вывод означает, что элементы разных "социально-экономических укладов" можно найти в делении массы хозяйств на "классы", но и внутри одного, отдельно взятого, хозяйства: "...не существует никакого принципиального различия между характером внешних взаимоотношений крестьянских дворов друг с другом и с внешней общественной средой вообще и характером внутренних взаимоотношений крестьянского двора"²⁰.

Выводы Л. Крицмана были использованы его сторонниками в работе "Бюджеты крестьянских хлопковых районов Средней Азии (по материалам текущих наблюдений за 1926/27 г.)", которая была написана на материалах исследования в Ташкентской и Андижанской областях²¹. Методика сбора информации в данном случае была наиболее совершенной и изощренной: статистик жил в кишлаке безвыездно почти целый год, благодаря чему "...входил в самую суть хозяйственных отношений (...), что помогало ему критически относиться ко всем сведениям, которые он получил"²². В главе "Методика дифференциации и типирования хозяйств" М.А. Гловтов сформулировал теоретические предпосылки анализа семейных бюджетов таким образом: существуют две основные антагонистические группы – капиталисты и пролетарии, а все остальные так или иначе примыкают к одной из них. Было прямо заявлено, что «...мы можем в момент исследования и совершенно не найти "чистого середняка", или не найти, другими словами, таких хозяйств, которые не были бы хотя

бы частично "причастны к капиталу или к пролетариату"..."²³, из чего следует, что "...при определении социально-экономической природы хозяйств нам не придется ограничиться только констатацией наличия в них смеси признаков (...) а необходимо будет выяснять удельный вес каждой группы признаков (характеристик) для определения места индивидуальных хозяйств в производственной жизни. Самая же социальная природа хозяйств будет определяться по совокупности той группы признаков (теоретически присущих одному какому-либо классу), которая, обладая значительным удельным весом при наличных экономических условиях, имеет тенденцию к росту"²⁴.

В 1930-е гг. открытое исследование семейных бюджетов было фактически свернуто. Сама тема "семейной экономики" оказалась на задворках экономического знания. Экономистов стали интересоваться лишь технология обработки бюджетных данных и пропаганда успехов советского строя²⁵. С 1950-х гг. тема "семейной экономики" узбеков стала рассматриваться как часть темы "семьи" и "семейного быта". Таким образом, она фактически вышла из сферы интересов экономической науки и оказалась в ведении этнографии.

Несмотря на смену научной дисциплины, общие подходы к анализу семейного бюджета остались прежними. В рассуждениях этнографов о семейной экономике продолжали господствовать принципы, которые в 1920-е гг. были представлены в трудах Л. Крицмана. Правда, концепция о наличии в одном хозяйстве черт разных экономических укладов значительно упростилась. Теперь главным показателем "социалистического" характера семейного хозяйства стал считаться уровень доходов, полученных в "общественном секторе" (в колхозе или на государственных предприятиях). И напротив, в качестве пережитка "досоциалистических" отношений стал рассматриваться уровень доходов, получаемых в "частном секторе" (на приусадебном участке).

Подобная методология нашла отражение, в частности, в работе "Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков", которая была основана на исследованиях в ряде колхозов Андижанской, Самаркандской и Ташкентской областей в начале 1980-х гг.²⁶. Авторы – этнограф Т.Х. Тапбаева и экономист М.Д. Савуров, выделив две части бюджета – заработную плату и доходы от личного подсобного хозяйства, отметили, что "Для большинства колхозников доходы, получаемые в колхозе от общественного хозяйства, составляют большую часть общего дохода"²⁷. При оценке доходов от приусадебного участка, авторы исходили из того, что их уровень вполне соответствует понятию "экономический уклад": "Узбекская сельская семья в значительной мере продолжает сохранять свою производственную функцию. Это связано с работой в личном подсобном хозяйстве"²⁸.

Идея о "производственной функции семьи" получила дальнейшее развитие в конце 1980-х гг. Сложилась точка зрения о том, что среднеазиатское общество – это "традиционное" общество, признаком чего является тот факт, что люди зарабатывают в основном от своего приусадебного участка. Наиболее ярко такое мнение было представлено в книге "Традиционализм в современном среднеазиатском обществе"²⁹. Ее автор – этнограф С.П. Поляков – разделил всю экономику сельской семьи на две "составляющих": труд в государственном секторе, который базируется на "индустриальной основе", и труд в личном хозяйстве. При этом, как утверждал С.П. Поляков, вторая "составляющая" "...намного по доходности превосходит первую"³⁰.

Эта точка зрения стала популярной в российской науке, что подтверждают высказывания этнографов С.В. Чешко и В.В. Карлова, а также экономистов-востоковедов В.Н. Уляхина и Ю.Г. Александрова: "Источником силы деревни (...) оказывались семейные хозяйства, которые (...) приобрели высокотоварный характер и приносили доходы, в 2–3 раза превышавшие заработки в общественном секторе"³¹; "...начиная с 60-х, особенно же в 70-е гг., на ведущее место выдвигается фактор личного подсобного хозяйства, дающего значительно более весомые доходы крестья-

нину, чем работа в общественном производстве"³²; "Регион оказался неподготовленным к восприятию привнесенной извне индустриализации, и это несоответствие сохраняется по сей день (...). Здесь оно (мелкое производство – С.А.) базируется на мелких, размером в 0,01–0,02 га, высокотоварных хозяйствах, ведущихся на приусадебных и приарендованных к ним парцелльных участках. Сейчас за счет таких хозяйств живет не менее 60–70% сельского населения Средней Азии"³³; "...если во многих других регионах СССР государственный сектор разрушает традиционную сельскую социальную организацию, то в Средней Азии это она, модифицируясь, сохраняется в своих фундаментальных основах и, более того, отчасти приспособливается к своим нуждам государственный сектор. Источником ее прочности оказывается семейное хозяйство, которое приобрело товарный характер и дает семье доход, превышающий заработок в общественном секторе"³⁴; «На ход общественного развития коренных народов региона не оказала решающего влияния и "социалистическая индустриализация". Она (...) мало затронула коренное сельское население (...) личное подсобное хозяйство в Средней Азии по существу превратилось в основной источник доходов для значительной части населения"³⁵.

В качестве причины этого называется обычно некая особая тяга к "традициям". Например, этносоциолог Ю.Г. Кульчик утверждал, что "...узбеки, в силу традиции сориентированные на мелкотоварное производство и выращивание хлопка, не испытывали и не испытывают тяги к другим занятиям"³⁶. Примерно то же самое говорил Ю.Г. Александров: "...более привлекательными (для коренных народов Средней Азии. – С.А.) оставались именно те виды и сферы хозяйственной деятельности, участие в которых способствовало сохранению традиционных ценностей и ориентаций, – прежде всего сельское хозяйство, а также торговля, услуги"³⁷.

Соответствует ли все сказанное действительности? Найден ли ключ к пониманию логики экономического поведения жителей Средней Азии?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, следует обратиться к фактам. В качестве примера будет рассмотрен бюджет сельской узбекской семьи, главой которой является Назирулло Н., живущий в одном из селений Кувинского района Ферганской области. В статье будут приведены данные о размерах и структуре доходных статей этого бюджета за 1988–1989 и 1997 гг.

* * *

Семья в 1988–1989 и 1997 гг. В 1988–1989 гг. членами семьи Назирулло Н. были 13 человек: сам глава семьи (1940 г. рожд.), жена главы семьи (1945 г. рожд.), их четыре сына – Зоир (1965 г. рожд.), Убайдулло (1966 г. рожд.), Шухрат (1969 г. рожд.), Музаффар (1976 г. рожд.) и четыре дочери (1968, 1971, 1973, 1975 гг. рожд.), а также жена старшего сына (1966 г. рожд.), две дочери старшего сына (1987 и 1988 гг. рожд.). Фактически в 1988–1989 гг. в одной усадьбе жили 11 человек: в 1988 и 1989 гг. поочередно вышли замуж две дочери Назирулло Н., а кроме того, один из сыновей в 1987–1989 гг. служил в армии.

Из перечисления членов семьи видно, что в ее состав входило две брачных пары. Формально, по записям в похозяйственных книгах, это было одно домовладение. Но старший женатый сын Зоир уже имел отдельный дом, распоряжался частью своих заработков и иногда вместе с женой и детьми кушал отдельно. Это говорит о том, что начался процесс отделения женатого сына в отдельное домохозяйство. Тем не менее, в 1988–1989 гг. отец и сын имели общие хозяйство и бюджет³⁸.

За несколько прошедших с тех пор лет состав семьи претерпел существенные изменения. Правда, общая численность членов семьи осталась прежней – 13 человек, но семейная структура стала совершенно другой. В 1997 г. формально существовало не одно, а три домовладения: 1) Назирулло, его жена и два неженатых сына – Музаф-

фар и Убайдулло (который является инвалидом); 2) Зоир, его жена, две их маленькие дочери и сын; 3) Шухрат, его жена и две их маленькие дочери. Все дочери Назирулло вышли замуж и покинули отцовский дом.

Процесс отделения семьи Зоира в самостоятельное хозяйство, который начался еще в конце 1980-х гг., за десятилетие прошел ряд этапов. Совместными силами для него был построен дом на новом участке. Впрочем, участки Назирулло и его сына находятся рядом и образуют фактически один большой двор, который разделяется лишь протекающим между ними маленьким капальчиком (хотя у нового двора есть самостоятельный выход на улицу, но этот выход ведет к окраине селения, поэтому все пользуются выходом со двора Назирулло, который ведет к центру селения). Зоир и его жена распоряжаются самостоятельно своими зарплатами, которые они получают за работу в общественном секторе. При этом отец старается контролировать заработки сына. Что касается доходов с участка Зоира, то фруктово-виноградный сад еще не дает прибыли (поскольку участок освоен сравнительно недавно), а пшеница и корма используются в совместном хозяйстве с отцом. В доме Зоира есть своя кухня и своя печь, но по четвергам и воскресеньям (и по праздникам) семья старшего сына часто принимает участие в общей трапезе в доме Назирулло. Зоир и его жена работают (маленький мальчик ходит вместе с мамой в детский сад), а две девочки находятся под присмотром бабушки и других родственников.

Средний сын – Шухрат имеет сегодня примерно тот же семейный статус, какой имел 9 лет назад Зоир. Шухрат и его жена самостоятельно распоряжаются частью своих заработков, им отведена отдельная комната. Участок, который средний сын получил недавно, расположен в 5 минутах ходьбы от отцовского дома, но он еще не застроен: его начнут застраивать после того, как женится Музаффар. Младшему сыну Назирулло уже выделили дом, который раньше занимал его самый старший брат.

Заработки в колхозе. В 1988 г. жена Назирулло Н. работала в хлопководческой колхозной бригаде. За свой труд в том году она получила всего около 700 рублей. В 1989 г. в той же бригаде работали уже две дочери Назирулло, обе – школьницы (формально работающей числилась их мать). Они получили за свой труд около 600 рублей. Работа в колхозе имела смысл как источник не только зарплаты, но и целого ряда дополнительных благ и услуг, необходимых семейному хозяйству. Колхоз бесплатно или по льготным ценам доставлял уголь, очищенные кусты хлопчатника (которые используют для отопления и приготовления пищи) и т.д. Кроме того, работа в колхозе давала право претендовать на получение дополнительного приусадебного участка.

В 1997 г. в колхозе числился Музаффар, хотя работали все вместе. За работу колхоз платил не деньгами, а "натурой": семья получила 10 литров хлопкового масла, 15 кг риса, 24 кг макарон и вермишели, а также 2 прицепа очищенных кустов хлопчатника (этого хватает на всю зиму). Работа в колхозе имела не столько экономический, сколько социальный смысл. Основная часть заработанных в колхозе средств удерживалась, а на имя младшего сына начислялось только 20% всей зарплаты. На таких условиях Музаффар был зачислен на альтернативную службу, что давало ему возможность не служить в армии.

Заработки на предприятиях. В 1988–1989 гг. глава семьи работал учителем в средней школе. Заработная плата за один год была около 3 тыс. рублей, за другой год – 3,3 тыс. рублей. В 1989 г. Зоир устроился на должность кассира-счетовода в аппарат исполнительного комитета местного сельсовета, а жена Назирулло в середине того же года устроилась в сельсовете на должность работника, обслуживающего престарелых одиночек. Это добавило в бюджет 1989 г. около 1,4 тыс. рублей.

В 1997 г. Назирулло был уже на пенсии. После ухода из школы он работал какое-то время секретарем в соседнем сельсовете, но потом ушел и оттуда: престижная некогда работа теперь не давала ни заработков, ни особого социального статуса. Зоир

продолжал работать в сельсовете, а потом перешел на работу во вновь создаваемые органы "махаллинских комитетов", где, работая секретарем, получил в 1997 г. около 19,2 тыс. сумов. Жена Зоира работала в детском саду и получила за год 15,6 тыс. сумов.

В 1997 г. Шухрат работал на мебельной фабрике в районном центре Куве: за год он заработал около 30 тыс. сумов. Бывшая еще недавно государственной фабрика получила статус "акционерной", но фактическим ее владельцем стал директор. Рабочие получили "акции" фабрики. Шухрат как "акционер" получил "дивиденды" – 21 тыс. сумов. Кроме того, Шухрат за символическую плату привез с фабрики 1 прицеп опилок (для отопления). Жена Шухрата работала в фельдшерско-акушерском пункте: она заработала за год около 15,6 тыс. сумов.

Социальная помощь. В 1988–1989 гг. в семье было два человека, получавших регулярную социальную помощь: один из сыновей, который имел тяжелую форму инвалидности, и невестка, которая паходила в декретном отпуске по уходу за малолетним ребенком. Благодаря этой помощи в годовой бюджет прибавлялось около 1,2 тыс. рублей.

В 1997 г. пенсию получали Назирулло, его жена и сын-инвалид: всего за год вышло 47,7 тыс. сумов. Пособия на детей получала семья Шухрата: за год набегало 7,2 тыс. сумов. Семья Зоира получила как "малообеспеченная" одновременную помощь на детей в 6 тыс. сумов. "Малообеспеченность" в таких случаях рассчитывается исходя из официальных заработков Зоира и его жены.

Кроме этого, необходимо учитывать так называемые "общественные фонды потребления", куда входили бесплатные ясли и детские сады, бесплатное обучение, бесплатная медицина, бесплатные или льготные путевки и т.д. В свое время советская статистика настаивала, чтобы включать "общественные фонды потребления" в понятие "благополучие" и "доходы" населения, считая, что "...как экономическая категория общественные фонды потребления выражают социалистические производственные отношения..."³⁹.

Домашнее хозяйство. В 1988 г. члены семьи заработали совместным трудом в домашнем хозяйстве около 4,6 тыс. рублей. В 1989 г. абсолютная величина доходов снизилась почти до 3,1 тыс. рублей. В 1997 г. приусадебный участок дал в общей сложности около 50 тыс. сумов, из них 27,9 тыс. сумов – натурой (в пересчете на цены покупки этих продуктов на рынке).

Здесь надо пояснить, что не все то, что произведено в домашнем хозяйстве, продается. Часть продукции (отдельные виды продуктов питания – овощи, зелень, а также корма для скота и шелковичного червя, органические удобрения для земли, дерево для строительства и т.д.) хотя и не попадает в денежный оборот, но тем не менее позволяет экономить денежные средства на покупках.

Домашнее хозяйство состоит из нескольких частей: а) земледелие (включая овощеводство, зерноводство, садоводство, виноградарство и т.д.), б) животноводство (отгонное, стойловое) и в) прочие (птицеводство, коконоводство, кролиководство и т.д.). О каждой отрасли следует сказать отдельно.

В конце 1980-х гг. во владении семьи Назирулло Н. было около 15–17 соток. К 1997 г. общая площадь земли, которую можно назвать "приусадебной", увеличилась примерно в 3 раза и теперь общий надел семьи стал около 0,5 га.

Прибыль от земледелия является одной из основных доходных статей домашнего хозяйства. До недавнего времени эта отрасль имела по преимуществу товарный характер, т.е. ориентировалась на рынок. Земледельческое производство, как правило, специализировалось на двух-трех культурах, при выборе которых учитывались их доходность и возможности сбыта, а также трудоемкость возделывания.

В кишлаке, где живет семья Назирулло, раньше предпочитали выращивать помидоры. Это объясняется тем, что местные жители не испытывали недостатка в воде

(а помидоры требуют частых поливов), помидоры давали высокие урожаи и пользовались большим спросом у государства и у частных перекупщиков. Частные 10–15 соток земли, на которых выращивались помидоры, ежегодно прибавляли в бюджет домохозяйства не менее 1–2 тыс. рублей. Вторыми по популярности были садовые культуры – виноград и гранат. Эти культуры менее устойчивы к всевозможным болезням и капризам погоды, чем помидоры, но всегда превосходят последние по цене и доходности. В 1988 г. от продажи помидоров и винограда семья Назирулло заработала около 2,5 тыс. рублей, в 1989 г. – около 1,9 тыс. рублей.

В середине 1990-х гг. от выращивания помидоров как основной культуры отказались. По словам Назирулло, стало холоднее и у этой культуры появилась какая-то болезнь. Другой причиной явилось изменение конъюнктуры: закупочные цены на помидоры резко упали. Изменение структуры посевов было связано также с переходом от преимущественно товарного характера земледелия к полунатуральному. Узбекистан сам себя пшеницей не обеспечивает (отчасти из-за того, что значительные площади заняты хлопком). Однако раньше мука по очень низким ценам поставлялась в магазины из-за пределов Узбекистана. Когда республика стала независимой, эти поставки прекратились. Узбекистан провозгласил политику "самообеспечения" себя хлебом и даже пошел на довольно резкое сокращение хлопковых полей, чтобы увеличить площади под пшеницу. Но эта политика не привела к желаемому результату, главным образом потому, что хлопок продолжает оставаться для республики одним из главных источников поступления валюты, а значит, сокращение хлопковых полей имеет свои пределы. Так или иначе цены на муку резко возросли и сельские жители вынуждены были сажать на своих участках пшеницу, чтобы как-то уменьшить затраты на покупку этого исключительно важного продукта.

Падение жизненного уровня привело к изменению структуры питания, в частности – к повышению роли картофеля. Эта культура, вместе с пшеницей, стала одной из основных. На своей земле в 1997 г. семья Назирулло собрала 550 кг картофеля и 1050 кг пшеницы (из которой получила 850 кг муки), чего должно было хватить на целый год. Помидоры сохранились в качестве подсобной культуры.

Единственным источником денежных поступлений стало садоводство. Увеличение земельного надела позволило расширить сад: предпочтение было отдано винограду и гранату. Но пока эти культуры новые и большого урожая не дают.

Животноводство для семьи Назирулло Н. всегда являлось важной, хотя и не очень доходной отраслью "личного хозяйства". Уход за животными не обременяет членов семьи. Корма обычно выращиваются на приусадебных участках. Максимально используются все другие возможности: пока есть зелень, детишки рвут ее по окраинам хлопковых полей, по обочинам дорог и по склонам каналов – идут в корм и трава, и листва деревьев. Помогает колхоз, который разрешает осенью, после сбора урожая с колхозных полей, выгуливать скот на необранных остатках выращенных там растений. Однако всего этого обычно все равно не хватает, поэтому те, кто держит домашних животных, вынуждены закупать корма на базаре или у разного рода государственных и частных предприятий (в том числе – у колхоза).

Содержание собственного скота позволяет частично решить проблему молочных продуктов в повседневном рационе питания сельских жителей (в магазинах этих продуктов нет). Кроме того, имеющие свой скот домохозяйства частично обеспечивают себя органическими удобрениями, необходимыми для восстановления плодородия почвы на приусадебных участках (так как севооборот на маленьких земельных наделах исключается).

Часть скота продают на специальном скотном базаре или местному мяснику, либо сдают (за плату) колхозу. Часть скота режут на праздники. Денежные доходы от животноводства поступают раз в год или раз в два-три года. В 1988 г. семья Назирулло от продажи овец получила около 900 рублей; в 1989 г. никаких доходов не

было, но держали корову с теленком и 3 овцы. В 1997 г. в хозяйстве Назирулло были корова с телочкой (ее собирались продать для проведения семейного праздника) и бычок (его поздней отдали для проведения праздника в дом зятя и дочери).

Важной подсобной отраслью домашнего хозяйства является коконоводство. Оно организовано в форме "семейного подряда", т.е. колхоз примерно за треть цены продает личинки червя-шелкопряда тем, кто пожелал заняться их выращиванием, и снабжает их топливом (уголь и пр.) и кормами (листья "белого" тутовника), а затем покупает по фиксированным расценкам весь полученный урожай коконов. В официальных бумагах колхоза все это было представлено как работа специальных шелководческих бригад во главе с бригадирами, роль которых сводилась фактически к консультациям и ведению отчетности.

Выращивание коконов продолжается в течение одного месяца (май). Кормов, выданных колхозом, хватает лишь на половину (максимум – на две трети) цикла выращивания червей-шелкопрядов, поэтому недостающее приходится добывать на собственные средства: использовать свои тутовники, покупать листья на базаре или у знакомых.

В 1988 г. от сдачи коконов шелкопряда семья Назирулло получила около 1,2 тыс. рублей; в 1989 г. – примерно столько же. В 1997 г. за коконы колхоз расплатился пшеницей – всего дал 360 кг зерна. К этому можно добавить ветки тутовника (их используют для отопления), которые давал колхоз для кормления червей.

Аренда. Особым источником доходов в семейном хозяйстве является работа на арендованных земельных участках. По своей технологии эта работа мало чем отличается от земледелия на приусадебном участке, поэтому С.П. Поляков включил доходы от "аренды" в прибыль от "личного хозяйства"⁴⁰. Однако у этой формы есть некоторые специфические особенности. Суть их заключается в том, что колхоз выделяет из своих земельных фондов участки (от нескольких соток до нескольких гектаров) и предоставляет их во временное пользование отдельным домовладениям. Колхоз, как правило, оговаривает вид сельскохозяйственной культуры, которая должна быть возделана на них, и долю урожая данной культуры, которая должна быть сдана колхозу по фиксированным ценам. Все, что "арендаторы" могут вырастить сверх установленной колхозной нормы, остается в полном их распоряжении (правда, и эту часть урожая в советское время обычно сдавали колхозу, но уже по более высоким расценкам). По некоторым признакам, следовательно этот источник доходов можно причислить к "заработкам в колхозе" или к "частным приработкам".

В 1997 г. Музаффар взял 2 га аренды у соседнего колхоза, что ему помог сделать Зоир, который благодаря своей работе в сельсовете имеет связь с тамошним колхозным начальством. Эти земли находятся в степи, куда на мотоцикле добираться около 1–1,5 часа. В 1997 г. Музаффар выращивал там на продажу земляной орех, за который получил 150 тыс. сумов, арбузы, которые продал на 30 тыс. сумов, а также сено для домашнего скота.

Частные приработки. Они включают в себя доходы от предпринимательской деятельности (торговля) и индивидуальной трудовой деятельности (ремонт одежды и техники, строительство и т.д.), побочные или "левые" доходы по месту работы (включая взятки).

В 1988 г. Назирулло Н. подрабатывал как частное лицо в качестве столяра где-то у своих знакомых. Тогда за труд он получил 200 рублей. 1989 г. был более удачным. Назирулло получил уже 500 рублей. Можно предположить, что на своей работе в школе глава семьи кое-что получал в виде подарков, а попросту – небольших взяток, за хорошие оценки в аттестате выпускников. Эти суммы вряд ли превышали 100–200 рублей в год. Кроме того, в том же 1988 г. две дочери Назирулло летом занимались к "арендаторам" пропалывать лук и заработали около 200 рублей (отец им позволил взять эти деньги себе).

В 1997 г. Назирулло подрабатывал на частном строительстве и получил 45 тыс. сумов. Шухрат с друзьями взяли в наем одно из помещений школы и сделали там свой цех по изготовлению мебели (оформив это в качестве уроков трудового воспитания). В 1997 г. они заработали 100–150 тыс. сумов, но все деньги пустили в оборот, на закупку материалов для новой мебели.

* * *

Уровень жизни. В какой степени приведенный пример семьи Назирулло Н. отражает общее состояние дел в сельской экономике узбекского общества? В советское время была принята методика дифференциации в зависимости от дохода на душу населения ("среднедушевой совокупный доход"), которая считалась основной для характеристики уровня жизни⁴¹. Удобство этой методики состоит в том, что таким образом можно сопоставлять доходы вне зависимости от региона, культурных обычаев, хозяйственных традиций. В соответствии с такой методикой в 1990 г. общесоюзный стандарт распределения душевого дохода выглядел таким образом: 1) беднейшие – до 1,2 тыс. рублей в год; 2) бедные – 1,2–1,8 тыс. рублей; 3) средние – 1,8–2,4 тыс. рублей; 4) зажиточные – 2,4–3,6 тыс. рублей; 5) богатые – 3,6 тыс. рублей и более⁴². Семья Назирулло Н. в 1988 и 1989 гг. зарабатывала в расчете на одного члена семьи около 950 рублей в год, т.е. все члены семьи попадали в категорию "беднейшего" населения.

Однако данный вывод не соответствует оценке самих членов семьи, которые рассматривают свой уровень жизни как "средний". Сходных оценок придерживаются и окружающие. Факты говорят о том же. В 1988–1989 гг. семья Назирулло Н. имела участок в 15–17 соток, один большой дом (2 большие комнаты, 2 больших застекленных веранды и большая прихожая) и один маленький дом (1 комната и прихожая), хозяйственные постройки (закрытое помещение и навес). В хозяйстве были велосипеды и мотороллер. Такого важного показателя экономического благополучия, как машина не было, но не потому, что не хватает денег, а скорее потому, что у Назирулло к машинам "не лежит душа". Обстановка в доме была средней: старенький телевизор, старенький радиоприемник, но в "парадных" комнатах много одеял, ковров, кое-какая мебель (шифоньер, диван, стулья, стол), посуда, т.е. все то, что у узбеков считается "престижной" обстановкой. У себя дома члены семьи одевались в старую одежду, но у каждого был набор приличной парадной одежды для праздников и для выхода "в свет". Рацион питания в семье был достаточно стандартным, но важным признаком достатка были еженедельные (в четверг и воскресенье) вечерние трапезы, когда специально готовится плов или другое праздничное блюдо, в котором обязательно присутствует мясо. Еду готовили на электрической плите, на газовых баллонах или открытом очаге. Хлеб пекли сами в домашней печи. Воду носили из колонки.

В 1997 г. положение семьи осталось примерно на том же "среднем" уровне. Назирулло купил небольшой участок (6–7 соток) вместе со старым домом, где жил умерший некоторое время назад сосед-одиночка. Правда, этот дом требует перестройки. Больше во дворе ничего не изменилось, если не считать новой душевой и новой крытой суфы (что-то вроде беседки). Как уже упоминалось, два сына Назирулло получили новые участки (по 12–15 соток каждый), но пока общими усилиями успели только на участке Зоира построить дом (2 больших комнаты и 1 веранда, небольшая прихожая), без хозяйственных построек и ограды. Машину Назирулло покупать не хочет, но Шухрат не исключил, что придется ее купить, хотя по-прежнему "душа не лежит". Обстановка в доме осталась прежней, но в "парадных" комнатах (у Зоира и Шухрата) появилось много новых одеял, ковров, посуды. Одежда и рацион питания изменились несущественно: кушают, может быть, несколько хуже, чем раньше, но два раза (четверг и воскресенье по-прежнему) готовят плов или другое

блюдо. Во двор провели газ и летом теперь можно на нем готовить пищу (зимой напор газа ослабевает). Показателем благополучия можно считать тот факт, что семья Назирулло смогла за эти годы провести целый ряд больших семейных обрядов: женили Шухрата, выдали замуж 3 дочерей, отметили рождение внуков и внучек, сделали обрезание сыну Зоира и т.д. На все это ушло много денег, сил, времени (хотя такого рода мероприятия сами приносят определенную выгоду их устраителям)⁴³.

Несовпадение методики оценки уровня жизни в зависимости от душевого дохода с реальным состоянием дел объясняется тем, что благополучие в узбекском обществе не связано напрямую с уровнем жизни отдельного человека. Семья мало тратит на каждого человека – на еду, на одежду, на образование и т.д. Экономя на каждом своем члене в отдельности, семья может больше тратить на общие нужды – на транспорт, бытовую технику, предметы роскоши, обряды и т.д.⁴⁴

Это означает, что упомянутая методика дифференциации в зависимости от дохода на душу населения не вполне соответствует реалиям Средней Азии. Социальные положения отдельного человека необходимо определять с точки зрения всего дохода семьи ("совокупный доход семьи"), к которой он принадлежит. Иначе говоря, сравнивать надо доходы не отдельных людей, а семей, как бы ни различались они по своему составу и численности. В 1990 г. общесоюзный стандарт распределения совокупного дохода семьи выглядел так: 1) беднейшие – до 3,6 тыс. рублей в год, 2) бедные – 3,6–5,4 тыс. рублей, 3) средние – 5,4–7,2 тыс. рублей, 4) зажиточные – 7,2–10,8 тыс. рублей, 5) богатые – 10,8 тыс. и более рублей⁴⁵. Семья Назирулло Н. в 1988–1989 гг. зарабатывала около 9,5 тыс. рублей в год, т.е. все ее члены относились к категории крепких "середняков", как это и было на самом деле.

Именно путаница в методиках расчета уровня жизни является причиной очень мрачных представлений о благополучии современного населения Узбекистана. В журналистских репортажах можно встретить такие, например, описания: "...большинство узбекистанцев живут впроголодь"⁴⁶; "Особенно тяжело положение в колхозах, где люди не получают зарплату по полгода. По сути, сегодня здесь полностью господствует натуральное хозяйство. Землю в аренду взять очень трудно, поэтому выращенного на приусадебных участках хватает лишь на то, чтобы прокормиться самим"⁴⁷.

Более внимательное изучение современной экономики узбекской семьи показывает, что журналисты сгущают краски. Так, за год семья Назирулло Н. заработала около 450 тыс. сумов, или примерно 3 тыс. долларов (из базарного расчета на август 1997 г., когда 1 доллар стоил 150 сумов). В расчете на одного члена семьи – 3 тыс. сумов, или около 20 долларов в 1 месяц, а в расчете на всю семью – около 250 долларов в месяц.

Структура бюджета. Уже в начале XX столетия структура бюджета у оседлого населения Средней Азии была достаточно сложной. Доля доходов от земли (полеводство, садоводство, лесоводство и т.д.) была от $\frac{1}{2}$ до $\frac{3}{4}$ всего "валового дохода"; животноводство (продукты и продажа скота) давало до $\frac{1}{10}$ всего "валового дохода"; промыслы (кokoноводство, поденщина, извоз, торговля, услужение, ремесло и т.д.) также давали не более $\frac{1}{10}$ доходов; случайные доходы (займы, продажа и сдача земли в аренду, подарки, продажа имущества и т.д.) давали до $\frac{1}{4}$ всех доходов⁴⁸.

В зерновом хозяйстве в среднем доля доходов от земледелия была ниже, а доля доходов от промыслов – выше. Внедрение хлопка вместо пшеницы привело к уменьшению оттока членов семьи на работы вне своего хозяйства, т.е. уменьшению доли доходов от промыслов⁴⁹. В начале 1920-х гг. произошла временная деформация сельского хозяйства Средней Азии: изменилась структура посевов (снизилась доля хлопка и увеличилась роль пшеницы, кормовых культур), резко уменьшилась доля доходов от земледелия в общем доходе и значительно увеличилась доля таких источников, как заработки вне своего хозяйства и особенно продажа имущества⁵⁰.

В 1950-е гг., судя по имеющимся отрывочным данным, основным источником доходов были заработки в колхозе, а доходы от приусадебного участка давали не более $\frac{1}{4}$ всех доходов⁵¹. По данным начала 1980-гг. доходы от приусадебного участка давали $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{6}$ всех денежных доходов⁵².

По данным бюджетных обследований в 1975–1990 гг., структура бюджетов населения Узбекской ССР была такой⁵³:

а) рабочие и служащие:

Структура бюджета	Годы					
	1975	1980	1985	1988	1989	1990
всего (руб.)	3727,6	4447,2	4539,1	5210,8	5215,1	5806,4
зарплата, %	75,4	72	75,4	74,7	76,4	76,3
пенсии и пр., %	10,6	10,2	9,7	9,9	10,2	10,0
доходы от личного подсобного хозяйства, %	6,2	9,4	7,5	6,9	5,9	6,2
другие источники доходов, %	7,8	8,4	7,4	8,5	7,5	7,5

б) колхозники:

Структура бюджета	Годы					
	1975	1980	1985	1988	1989	1990
всего (руб.)	4115,1	5258,3	5551,6	5780,5	5820,9	6850,5
оплата в колхозе, %	44,2	41,2	38,1	37,0	39,2	39,0
зарплата, %	11,1	13,9	17,5	17,1	18,6	16,1
пенсии и пр., %	12,3	10,0	10,1	11,2	11,7	11,8
доходы от личного подсобного хозяйства, %	25,6	27,5	26,3	26,5	22,8	25,9
другие источники доходов, %	6,8	7,4	8,0	8,2	7,7	7,2

По данным бюджетных обследований в 1991–1995 гг. структура бюджетов населения Узбекистана была такой (%)⁵⁴:

Структура бюджета	Годы				
	1991	1992	1993	1994	1995
трудовые доходы	56,9	66,8	65,4	56,4	59,4
пенсии и пр.	13,8	14,2	13,6	13,9	13,5
доходы от продажи сел.-хоз. продукции	9,4	7,6	7,0	11,6	11,3
другие источники доходов	19,9	11,4	14,0	18,1	15,8

Если сравнить структуру доходов семьи Назирулло Н. в 1987–1988 и 1997 гг., то получится такая картина (%):

Источник доходов	Годы		
	1987	1988	1997
колхоз	7,1	6,1	4,4
общественный сектор	30,3	44,9	22,1
социальная помощь	12,1	12,2	13,3
домашнее хозяйство	46,4	31,7	10,9
аренда	–	–	39,5
частные приработки	4,1	5,1	9,8

Какие закономерности можно обнаружить в изменении структуры бюджета за последнее десятилетие? В 1990-е гг. еще больше снижается роль колхоза, которая и в конце 1980-х гг. была не слишком высокой. Это объясняется несколькими причинами: уменьшится мощность коллективных хозяйств (сокращается посевная площадь, часть недвижимости передается в частную собственность); меняется структура посевов – уменьшаются посевы хлопка и увеличиваются посевы менее трудозатратных зерновых культур; из-за отсутствия дотаций на покупку техники и удобрений падает урожайность и, соответственно, доходность колхозного производства и т.д. К этому можно добавить, что если в прошлом у колхоза были некоторые административные и экономические рычаги принуждения (например, распределение приусадебных участков), то теперь их не стало и население уже не видит в работе в колхозе большого смысла. Примерно те же процессы происходят в целом в государственном секторе экономики: снижается уровень заработной платы, многие предприятия вовсе перестают функционировать.

Социальная помощь со стороны государства сохранилась, но принципы ее распределения были изменены: если раньше оно было автоматическим и уравнивающим, то теперь были введены механизмы дифференцированного подхода.

Довольно значительно снизилась доходность труда в домашнем хозяйстве. Главная причина этого – резкое снижение цен на продукцию, что было вызвано возрастанием издержек производства и перевозки, а также насыщением рынков России более конкурентноспособной продукцией из других стран и увеличением роли дачных участков в самообеспечении. Чтобы компенсировать потери в цене, жители Средней Азии стали расширять объемы производства, чему способствует увеличение земельных наделов, которые государство передает в собственность населения. Произошла существенная переориентация домашнего хозяйства с товарного на натуральное производство.

Падение доходов в государственном секторе и в личном приусадебном хозяйстве компенсируется повышением доходов по статье "частные приработки". Этому способствует легализация рынка частного труда и его развитие быстрыми темпами.

Какие изменения в доходах ожидала семья Назирулло Н. в 1998 г.? В этом году произошло увеличение государственных пенсий и пособий, зарплат в 1,5 раза, хотя в августе 1998 г. "базарный" курс 1 доллара вырос до 200 сумов. Большую прибыль планировалось получить от домашнего хозяйства, главным образом за счет увеличения доли садовой продукции (виноград – до 50 тыс. сумов, гранат – до 20 тыс. сумов). Музаффар надеялся больше заработать на арендованной земле благодаря посаженному позднему сорту огурцов, которые должны были хорошо вырасти и дать большой доход. Назирулло в 1998 г. удалось взять крупный заказ на частное строительство: заработок должен был составить 100 тыс. сумов. Развивалось частное дело Шухрата, и он рассчитывал часть из заработанного в этом году внести в семейный бюджет.

Семейная экономика. Все сферы деятельности членов семьи органично дополняют друг друга. Можно даже сказать, что, например, работа в домашнем хозяйстве является частью производственных циклов в колхозе и на государственных предприятиях. Земледелие, животноводство, коконоводство находятся в сильной зависимости от ресурсов колхозов или государственных предприятий, в частности, стабильно функционирующей оросительной системы, транспорта, поставок удобрений и топлива, закупок продукции и т.д. Более того, коконоводство и аренда рассматриваются государством в качестве неотъемлемой части колхозного производства.

Главное свойство экономики современного узбекского домохозяйства заключается в ее способности приспосабливаться к постоянно изменяющимся условиям жизни. Внутри домохозяйства обычно существует четкое разделение обязанностей, которое дает возможность оптимально, с точки зрения общих интересов, распределить силы и средства в различных сферах экономики. Если, например, домашний скот умирает от какой-нибудь болезни или мороз губит урожай на приусадебном участке, то вполне можно выжить и на заработки в государственном секторе. Если по какой-то причине возникают трудности с заработками в колхозе или на государственном предприятии, то земледелие и животноводство позволят продержаться и без этого. Впрочем, не только в экстремальных ситуациях проявляются заложенные в семейной экономике возможности. При наличии нескольких альтернативных источников дохода члены домохозяйства могут менять свои приоритеты в зависимости от складывающихся обстоятельств. Так, один год все силы семьи бросаются на животноводство, другой год – на частные заработки, третий год оказывается удачным для получения урожая на приусадебном участке.

В зависимости от ситуации меняется даже сама логика экономического поведения людей. В одних случаях члены семьи стремятся свести баланс расходов и заработков, вложить средства и силы в наиболее доходные сферы деятельности, получить максимальную выгоду от своей работы и т.д. В других случаях они ведут себя совершенно иначе, а именно больше тратят, чем зарабатывают, влезают в долги, вкладывают средства и силы не туда, где больше отдача, а туда, где им в данный момент удобнее и престижнее работать, в качестве цели своего труда рассматривают не прибыль, а социальный статус и т.д.

Сказанное означает, что поиск одной модели, которая могла бы объяснить все стороны экономического поведения, вряд ли является продуктивным. Даже модели Л. Крицмана и А.В. Чайнова, которые сложились в 1920-е гг., в некотором смысле не только противостояли, но и служили дополнением друг к другу. Реальный человек жил и продолжает жить не по "крицмановской" или "чайновской" моделям. Он способен выбирать мотивы и логику своего поведения, их можно ему навязывать и принуждать следовать им.

* * *

Таким образом, за последнее столетие произошло радикальное изменение социально-экономических условий жизнедеятельности среднеазиатского общества. Даже те части бюджета, которые условно можно было бы отнести к разряду "традиционных" сфер хозяйственной деятельности, несколько не преобладают над остальными его частями. При этом само деление бюджета на две автономные и равноправные части, одна из которых якобы представляет "традиционные" сферы, а другая – "нетрадиционные", совершенно не соответствует действительности. Бюджет, а значит и экономическое поведение, у современных сельских узбеков имеет сбалансированный характер, отличается способностью гибко и быстро реагировать на меняющуюся обстановку. Элементы, составляющие бюджет, настолько тесно связаны и взаимно обусловлены, что отделить их друг от друга на практике никак нельзя.

"Общественный" (государственный) и "частный" (домашний) сектора существуют как части одного целого. Быстрое развитие промышленности в "общественном" секторе было невозможно без существования "параллельной" экономики с ее квазитрадиционными инструментами и связями, с ее способностью восполнить те потребности, которые "общественный" сектор удовлетворить не мог. Это особый тип социально-экономического устройства, в котором участие всего или большинства населения в "теневой" деятельности является обязательным условием существования мощного государства, пытающегося форсировать свое индустриальное развитие. Этот тип устройства, кстати, был характерен не только для Средней Азии, но и для других регионов бывшего СССР, в том числе для России. Публицист и внимательный исследователь советского общества Л. Тимофеев очень точно написал по этому поводу: "Очевидно, что теневые отношения были важнейшей органической частью коммунистической системы (...) экономическая практика ежедневно вовлекает в операции с собственностью (на заводе, в колхозе, в министерстве, в больнице, в армии и т.д.) все население — и хоть на время, но дает возможность каждому пользоваться и распоряжаться неким куском собственности не только в интересах Доктрины (или общества), но и в своих собственных (...) структура теневой сферы в точности повторяет структурную конфигурацию социалистического государства, общества, экономики (...). Строго говоря, это та же самая структура, только с иной, противоположной направленностью индивидуальных усилий. Если это и тень, отброшенная Доктриной, то тень эта парадоксальным образом отброшена внутрь самой Доктрины (...). Теневая говьяжья вырезка продается знакомым нам мясником в государственном магазине. Тепевые дрова растут в государственном лесу (...). Теневая продукция производится в сфере легального производства. Теневые торги идут в кабинетах и коридорах официальных учреждений (...). Вообще каждый из нас живет в этих двух реальностях одновременно"⁵⁵.

Настоящая статья вовсе не претендует на то, чтобы дать окончательные выводы о природе семейной экономики узбеков. Еще более наивными выглядели бы претензии на полное понимание природы экономического поведения человека или характера социально-экономического устройства советского и постсоветского общества. Для всего этого необходимо дальнейшее изучение массового материала и научные дискуссии. Автор лишь попытался обозначить предмет изучения и основные его проблемы, а также освободить исследования от "ярлыков" и "штампов", которые все еще широко распространены в науке.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ *А.Д. Гребенкин*, Таджики. — Русский Туркестан. Сборник изданный по поводу политехнической выставки. Вып. 2. М., 1872, с. 18–30.

² *В. Наливкин, М. Наливкина*. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886, с. 19–39 и др.

³ *Г.А. Араидаренко*. Досуги в Туркестане. 1874–1889. СПб., 1889, с. 67–68, 311–312, 334–339 и др.

⁴ Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения юго-восточной части Чимкентского уезда Сыр-Дарьинской области. Данные бюджетного исследования. Т. 1. Текст. Ташкент, 1910.

⁵ Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения, с. 152. См. также: *К.К. Пален*. Материалы к характеристике народного хозяйства в Туркестане. Ч. 1, отд. 1. (Приложение к отчету по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом.) СПб., 1911, с. 415–416; *В.И. Юферева*. Хозяйство сартов Ферганской области. Ташкент, 1911, с. 5–6.

⁶ Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области. Вып. 1. Текст. Ташкент, 1915, с. 154.

⁷ Там же, с. 155.

- ⁸ Там же, с. 259.
- ⁹ Типы хозяйства Туркестана (очерки морфологии сельского хозяйства Средней Азии). Ташкент, 1924.
- ¹⁰ Н.Н. Кажанов. Сельское хозяйство Туркестана. – Типы хозяйства Туркестана, с. 1.
- ¹¹ Н.К. Ярошевич. Организация крестьянского хозяйства Средней Азии (популярный очерк). Самарканд–Ташкент, 1926.
- ¹² Там же, с. 64.
- ¹³ А.В. Чайнов. Организация крестьянского хозяйства. – А.В. Чайнов. Крестьянское хозяйство. Избранные труды. М., 1989, с. 193–442.
- ¹⁴ Там же, с. 284.
- ¹⁵ Бюджеты 45 хозяйств Ферганской области по обследованию 1915 г. М., 1924.
- ¹⁶ Там же, с. XXV.
- ¹⁷ А.В. Чайнов. О дифференциации крестьянского хозяйства. – А.В. Чайнов. Крестьянское хозяйство, с. 159.
- ¹⁸ Л. Крицман. Классовые группировки крестьянских хозяйств. – Л. Крицман. Пролетарская революция и деревня. М.–Л., 1929, с. 394.
- ¹⁹ Там же, с. 430.
- ²⁰ Л. Крицман. О внутренних противоречиях крестьянского двора. – Л. Крицман. Пролетарская революция, с. 505.
- ²¹ Бюджеты крестьянских хозяйств хлопковых районов Средней Азии. По материалам текущих наблюдений за 1926/27 г. Вып. 2. Ташкент, 1929. См. также: Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк). Вып. 1–7, 9, 11. Ташкент, 1926–1927.
- ²² Бюджеты крестьянских хозяйств, с. 5.
- ²³ Там же, с. 8.
- ²⁴ Там же, с. 9.
- ²⁵ См., например: П.П. Маслов. Доход советской семьи. М., 1965; В.Я. Лион. Бюджет советской семьи. М., 1965; Н. Лагутин. Бюджет советской семьи. М., 1967; И. Матюха. Выборочные обследования семейных бюджетов в СССР. М., 1969; А.Х. Каратетян. Доходы и потребление населения СССР. М., 1980; С.П. Ананьева. Статистика бюджетов населения. М., 1983; О.П. Саенко. Бюджет советской семьи. М., 1983; Н.Ф. Белова, И.И. Дмитричев. Семейный бюджет (статистический аспект). М., 1990.
- ²⁶ Т.Х. Ташибаева, М.Д. Савуров. Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков. Ташкент, 1989, с. 85–97.
- ²⁷ Т.Х. Ташибаева, М.Д. Савуров. Новое и традиционное в быту, с. 86. См. также: Н.Н. Еришов, П.А. Кисляков, Е.М. Пещерева, С.П. Руслякина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. М.–Л., 1954, с. 166; О.А. Сухарева, М.А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкырап. Ташкент, 1955, с. 84; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969, с. 113.
- ²⁸ Т.Х. Ташибаева, М.Д. Савуров. Новое и традиционное в быту, с. 97.
- ²⁹ С.П. Поляков. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.
- ³⁰ Там же, с. 16–19.
- ³¹ Ю.Г. Александров. Бывший советский Восток. – Социальный облик Востока. М., 1999, с. 127–128.
- ³² В.В. Карлов. Народы Средней Азии и Казахстана. – В.В. Карлов. Этнокультурные процессы новейшего времени. М., 1995, с. 122.
- ³³ В.Н. Уляхин. Многоукладность в советской и зарубежной Азии. – Восток. 1991. № 5, с. 135.
- ³⁴ Ю.Г. Александров. Средняя Азия: специфический случай экономической слабозрелости. – Восток, 1991, № 5, с. 147–148.
- ³⁵ С.В. Ченко. Средняя Азия и Казахстан: современное состояние и перспективы национального развития. – Расы и народы. Современные этнические и расовые проблемы. Ежегодник. Вып. 20. М., 1990, с. 113, 114.
- ³⁶ Ю.Г. Кульчик. Республика Узбекистан в середине 90-х годов. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 90). М., 1995, с. 13.
- ³⁷ Ю.Г. Александров. Бывший советский Восток, с. 119.
- ³⁸ См.: С.Н. Абашин. Статистика как инструмент этнографического исследования (узбекская семья в XX в.). – Этнографическое обозрение. 1999. № 1.

³⁹ В.Я. Лион. Указ. соч., с. 14.

⁴⁰ С.П. Подяков. Указ. соч., с. 17.

⁴¹ См., например: П.П. Маслов. Доход советской семьи, с. 17; И. Матюха. Выборочные обследования, с. 9; А.Х. Карапетян. Доходы и потребление, с. 58; Н.Ф. Белова, И.И. Дмитричев. Семейный бюджет, с. 33.

⁴² М. Хрусталева. Центральная Азия во внешней политике России. М., 1994, с. 37.

⁴³ См.: С.Н. Абашина. Вопреки "здравому смыслу"? (К вопросу о "рациональности/иррациональности" ритуальных расходов в Средней Азии). – Вестник Евразии. М., 1999, № 1–2 (6–7).

⁴⁴ Р. Паршикулов. Двуликий Янус в сердце Азии: некоторые итоги 70-летнего развития среднеазиатских республик в составе СССР. – Восток. 1991, № 5, с. 126.

⁴⁵ Эти цифры получаются, если признать что в среднем по Союзу семья включала 3-х трудоспособных членов.

⁴⁶ И. Ротарь. Диктатура или ислам: Узбекские власти всеми силами пытаются победить своего главного конкурента. – Независимая газета. НГ – Содружество, № 6. 24.06.1998

⁴⁷ И. Ротарь. Несостоявшаяся сверхдержава: Ташкент вынужден временно отказаться от геополитических амбиций. – Независимая газета. 20.01.1999.

⁴⁸ См.: Хозяйственный быт киргизского, сартовского и русского населения, с. 81–115; В.И. Юферева. Хозяйство сартов, с. 30; Бюджеты 45 хозяйств, с. XLVI; Бюджеты крестьянских хозяйств, с. 66–67, 74–75, 78–79, 116–117, 186–187, 188–189, 190–191, 232–233.

⁴⁹ Бюджеты 45 хозяйств, с. XLIX.

⁵⁰ Типы хозяйства Туркестана, с. 159–172, с. 187–194.

⁵¹ Н.Н. Еришов, Н.А. Кисляков, Е.М. Пещерева, С.П. Русайкина. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства, с. 167–168.

⁵² Т.Х. Ташбаева, М.Д. Саууров. Новое и традиционное в быту, с. 93–94.

⁵³ Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1975–1988 гг. Сборник материалов по данным бюджетных обследований. М., 1989, с. 35, 231; Бюджеты рабочих, служащих и колхозников в 1985–1990 гг. Сборник материалов по данным бюджетных обследований. М., 1991, с. 13, 227.

⁵⁴ Содружество независимых государств в 1997 году. Статистический ежегодник. М., 1998, с. 596.

⁵⁵ Л. Тимофеев. Новая теория социализма: модель теневой реальности в кратком изложении. – Московские новости. 8–15 декабря 1996, № 49.